

Индекс УДК 94 (47)

Код ГРНТИ 03.23.31; 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-72-85

Р.Б. БУТОВА*

Русская Палестина. Недвижимость архимандрита Антонина (Капустина)

В результате серии реформ середины XIX в. в Османской империи появилось земельное законодательство, позволившее де-юре оформить иностранную недвижимость, ранее сформировавшуюся де-факто. Русская Палестина, возникшая в острой конфессиональной конкуренции в середине XIX в. и включавшая палестинские приобретения начальника Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина, 1817–1894) (ил. 1), зависела от внешнеполитических условий и позиций российских государственных институтов. Отсутствие стратегии и планомерной работы в использовании имущественного фактора во внешней политике, а также настроений в российских властных структурах на Ближнем Востоке приводило к упущениям. В статье показано, как верные решения архимандрита Антонина, принятые им вопреки мнению чиновников МИД, повлияли на способ оформления недвижимого имущества, благодаря которому храмы, монастыри, паломнические подворья и земельные участки во многом сохранились и сегодня принадлежат России и Русской Церкви.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иерусалим, архимандрит Антонин (Капустин), земельная собственность, недвижимость, МИД, Св. Синод, Иерусалимский Патриархат, танзимат, законодательство

В середине XIX в. в Османской империи был проведён целый ряд реформ, призванных разрешить накопившиеся внутренние проблемы. Эта эпоха, получившая название танзимат (буквально ‘упорядочение’), была обусловлена тремя документами: указами о реформах (хатт-и хумаюн) 1839 г. и 1856 г., а также Конституцией 1876 г. В результате серьёзную трансформацию претерпели основные институты Османского государства и общества.

До танзимата номинальным владельцем всей земли считался султан, управлявший ею через систему пожалований, т.е. земля передавалась чиновникам в обмен на военную или гражданскую службу. Владелец такой земли (*мири*) не мог ею распоряжаться, но должен был платить налоги и мог предоставлять, в свою очередь, крестьянам, которые её обрабатывали и выплачивали султанскую десятину. Существовали и другие категории земель: *мулька* (частная соб-

* **Бутова Ритта Борисовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.
E-mail: rittabutova@mail.ru

ственность) и *вакф* (*вакуф*) (религиозные пожертвования) [1].

В соответствии с Земельным кодексом 1858 г. началось внедрение земельной реформы, закончившееся принятием Гражданского кодекса 1877 г. В соответствии с реформой земля стала подразделяться на пять категорий: *мири* (государственная земля), *мульк* (частная земля), *меват* (мёртвая земля), *вакф* (религиозная земля и пожертвования), *метруке* (общинная и племенная земля). Таким образом, были введены новые земельные отношения: старая система аренды и откупа земли заменена на индивидуальное право собственности, больше соответствующее европейским представлениям. Реформы в земельном законодательстве шли параллельно с новым налоговым законодательством и переписью населения.

Хатт-и хумаюн 1856 г. провозгласил равные права немусульман вообще и христиан, в частности с мусульманами, защиту их личности и собственности, свободу вероисповедания и предоставление образования детям всех религиозных общин. Также законодательно было разрешено, по крайней мере теоретически, иностранцам приобретать землю. До появления этого документа иностранные граждане не могли покупать и регистрировать землю на своё имя, за редким исключением, когда покупатель получал специальный султанский фирман. В 1858 г., с опубликованием земельного кодекса, вступило в силу разрешение иностранцам на покупку недвижимости, но на практике запрет на продажу земли подданным иностранных держав сохранялся до 1867 г.

10 июня 1867 г. был опубликован закон¹, разрешающий иностранным гражданам приобретать городскую и сельскую землю во всех областях Османской империи, за исключением Хиджаза, места возникновения ислама. Разрешение было предоставлено при условии, что иностранцы

Ил. 1. Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины

должны были признать равенство с подданными Османской империи и в связи с этим подпадали под юрисдикцию турецких учреждений и судов по всем вопросам, касающимся собственности. Большинство заинтересованных европейских правительств подписали в последующие годы отдельные соглашения, чтобы распространить эту привилегию на своих граждан.

Появление иностранного землевладения в Османской империи способствовало наведению определённого порядка в законодательстве, регистрации земель и землеустройстве, началось систематическое картографирование. Документальное оформление привело к началу процесса приватизации землевладений и возникновению крупных латифундий [2] (например, бейрутские нотабли, греческая семья Сурсок владела большей частью земель в районе Назарета). Изменялась земля, из-

¹ В документах российского МИД встречается несколько вариантов его наименования — Протокол о собственности, Капитуляции.

менялся ландшафт, возникали новые сады, поселения и дороги [3].

В начале 1880-х гг. ситуация вокруг собственности иностранцев в Палестине вновь изменилась. Либеральная османская иммиграционная политика, а также льготы иностранцам, которые хотели поселиться в империи при условии, что они примут гражданство, привели к тому, что за 20 лет (1859–1880) 2 млн мусульман из России и с Балканского полуострова были расселены по всей Турции. Они теснили коренных жителей, захватывая землю и занимаясь сельским хозяйством — главным источником пропитания и благосостояния. Всё это вызывало скрытое недовольство и даже враждебное отношение местных жителей, которое выплёскивалось на тех поселенцев, которые сохранили своё первоначальное гражданство (например, немецких темплетов в Палестине) [4].

При большом несоответствии между османскими законами в теории и степенью, в которой они применялись на практике, христиане разных конфессий всё чаще сталкивались с негативным отношением. Центральной власти было свойственно непостоянство по отношению к приобретению земли иностранцами, формулировки законов и нормативных актов были неясными и допускали различные толкования, а коррупция и склонность к взяточничеству были широко распространены на всех уровнях османской бюрократии.

Несмотря на понимание того, что европейские поселения увеличили бы налоги, а значит и доходы империи, и способствовали бы укреплению её слабой экономики, османские власти всё больше беспокоились о том, что эти поселения могут служить дополнительным предлогом для вмешательства великих держав во внутренние дела или, что ещё хуже, для получения контроля над целыми районами страны.

В 1881 г., накануне первой алии, были внесены изменения в османскую политику в отношении европейских собственников. За этими изменениями стояли и попытки предотвратить увеличение числа иностран-

ных граждан в империи, особенно европейцев в Палестине. Казалось бы, эти тщетные в целом усилия не имеют отношения к христианам, но это не так. Неоднократно звучали призывы к султану отозвать разрешение покупать землю иностранцам.

МИД и русская собственность в Святой Земле

В конце 1850-х гг. после подарка султана и покупки нескольких участков в Иерусалиме и окрестностях сложилась государственная собственность России в Святой Земле, было положено начало Русской Палестины. С приездом в Иерусалим в 1865 г. начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Антонина (Капустина) возникает частная по формальному признаку, а по сути — русская церковная собственность (ил. 2). Необходимость защиты и оформления палестинских земельных приобретений архимандрита Антонина повлекла за собой большую дополнительную работу российского посольства в Константинополе и петербургских чиновников МИД, руководство которого считало недостойным для себя подписать Протокол о собственности, на чём настаивала Турция.

Первой подписала протокол 1867 г. Великобритания, её примеру последовала Австро-Венгрия, прусское правительство сделало это в 1869 г. и позднее — прочие западные державы. Россия же на протяжении нескольких лет уклонялась, считая, что протокол посягает на права её подданных. В противовес российским дипломатам немецкие, например, не только поддерживали своих переселенцев в Палестину, способствовали возникновению и укреплению поселений темплетов, но и не препятствовали незаконной схеме оформления земли на подставных лиц, местных арабов, активно применяемую до принятия Земельного кодекса. При этом отечественные дипломаты много лет укоряли архимандрита Антонина за то, что он покупал землю на имя драгомана РДМ Якуба Халеби. Европейские консулы на Ближнем Востоке, в отличие

от российских, всегда занимали активную позицию в отношении защиты прав своих соотечественников, в том числе и в их спорах с турецкими властями при оформлении сделок с недвижимостью, применении налоговых ставок и пр.

Труды архимандрита Антонина по созиданию Русской Палестины составляли чуть не самую существенную сторону его деятельности на Ближнем Востоке, но она не получала поддержки Св. Синода и вызывала раздражение сотрудников МИД, которые справедливо считали, что он вторгается в сферу их деятельности и интересов, к тому же его активность расширяла и усложняла круг их должностных обязанностей. О. Антонина не понимал даже дружески к нему настроенный посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, неоднократно убеждавший начальника РДМ не покупать «клочки земли» и считавший, что он «строит на воздухе» (ил. 3, 4).

В 1872 г. МИД обратился с официальным запросом к обер-прокурору Св. Синода Д.А. Толстому относительно незаконности земельных покупок архимандрита Антонина. 4 мая Св. Синод известил министерство, что архимандриту Антонину запрещено впредь осуществлять покупки, и поставил вопрос не только о прекращении приобретений, но и об отчуждении у о. Антонина уже имеющихся владений. Речь также шла о его переводе на другое место служения, отставке и пенсии.

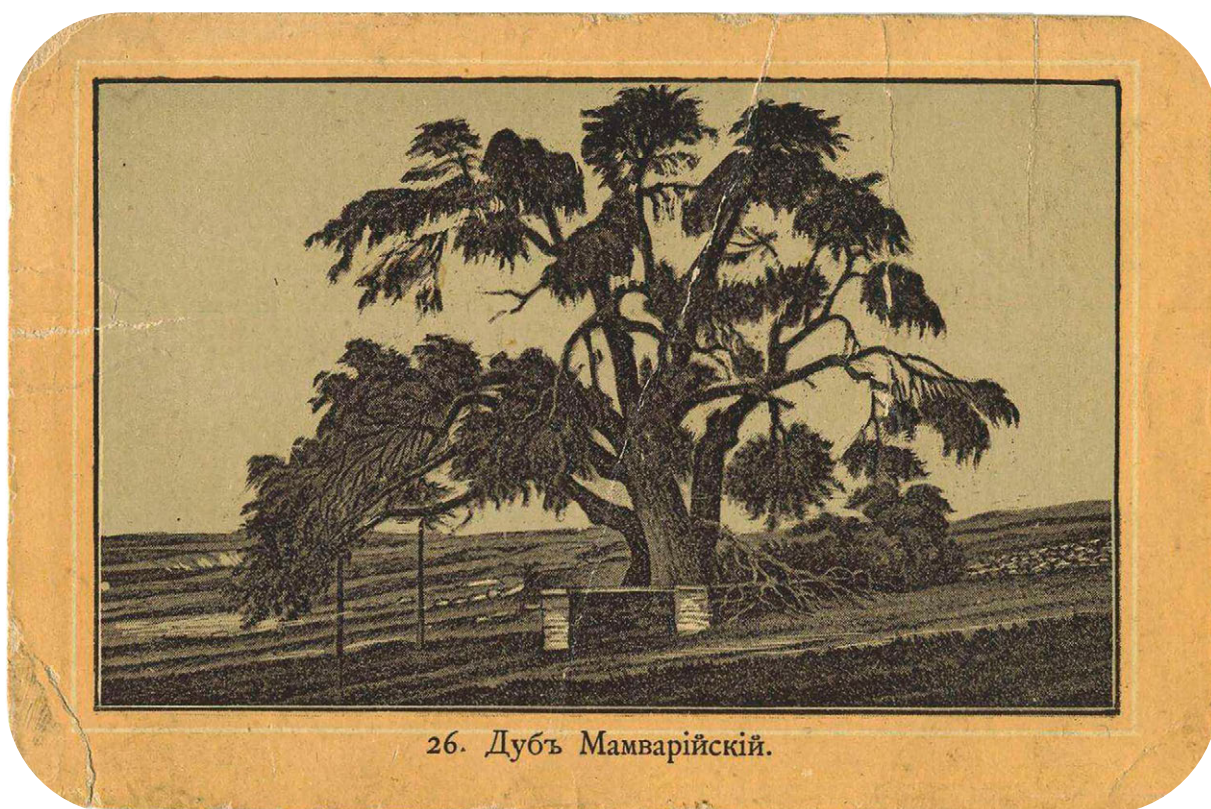
В этих обстоятельствах Н.П. Игнатьев и архимандрит Антонин разработали план, согласно которому начальник РДМ заявил о своём намерении «продать участки в собственность иноверцев» [5, с. 288], а Игнатьев, чтобы подстраховать о. Антонина, направил предписание консулу в Иерусалиме с требованием объявить начальнику Миссии, чтобы «он ни в каком случае не при-

Ил. 2. Вакуф архимандрита Антонина.
Участок «Могила дочери фараона»

ступал к отчуждению приобретённых уже им на русские деньги земельных участков в Палестине, так как вопрос об этих приобретениях перенесён на политическую почву и сделался уже предметом особых переговоров между Портою и посольством» [Там же]. МИД согласился с требованием посла и дал указание в Константинополь и Иерусалим оформить права на уже купленную недвижимость.

К 1873 г. архимандрит Антонин уже был владельцем участков на Елеоне, в Айн-Кареме, в Хевроне, в Бет-Джале, в Силоаме, Яффе (ил. 5) и Иерихоне (ил. 6). Тем обиднее ему было получить новый указ Св. Синода о запрещении покупать землю. Причиной указа стало требование МИД, считавшего недостойным для себя подписать протокол о собственности, на чём настаивала Порта. В России считали, что, подчиняясь турецким законам, продают

26. Дубъ Мамварійскій.

Ил. 3. Вакуф архимандрита Антонина. Дуб Мамврийский.
Почтовая карточка конца XIX в.

честь за *мнимое* право покупать землю, совершенно не видя русские политические интересы. Лишь 8 марта 1873 г. посол в Константинополе Н.П. Игнатьев и турецкий министр иностранных дел Мехмед Рашид-паша подписали протокол о праве русских подданных владеть недвижимой собственностью в Турции. «Но в протоколе ясно устанавливалась, что закон о таком владении не отнял ни одной из льгот, которыми ограждалась личность и недвижимое имущество иностранцев, приобретших недвижимую собственность» [6, с. 201]. Игнатьев в письме к Антонину писал: «По щучьему велению и по моему прошению», права недвижимой собственности русских подданных в Турции закрепили, несмотря на встреченную мною оппозицию в Петербурге, между нашими консулами и многими знахарями Востока, упорно державшимися мнения, что несравненно *достойнее* было с нашей стороны *не подписывать* протокола, нежели принять для русских права, предостав-

ленные другим иностранцам» [7, с. 145]. В итоге о. Антонин получил возможность оформить приобретённые ранее земельные участки на собственное имя.

На основании подписанного протокола к концу 1870-х гг. в Святой Земле из владельцев недвижимости сформировалась большая русская колония. Но только начальник РДМ неоднократно заявлял, в том числе в переписке с официальными лицами и своих статьях в российской прессе, что всё купленное им является собственностью России, поскольку приобретено на деньги русских жертвователей.

На протяжении многих лет с упорством, достойным лучшего применения, МИД пытался вообще закрыть Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме и свести статус представителя Российской Церкви на Православном Востоке до приходского священника. Такая позиция государственной власти не учитывала религиозный аспект русского владения местами, осенёнными Священной историей и церковным преда-

Ил. 4. Под дубом Мамврийским. Архимандрит Антонин сидит в центре

нием, игнорировала внешнеполитическое значение, а экономическая составляющая вообще не принималась в расчёт. Между тем последняя активно развивалась Иерусалимским Патриархатом. Его городская недвижимость была куплена по большей части на русские деньги для того, чтобы приносить максимальную прибыль, а сельскохозяйственные угодья обрабатывались и приносили доход. В Иерусалиме и Яффе были построены жилые квартиры и рынки с магазинами для сдачи в аренду [8, 9]. Видя осуществление таких крупных бизнес-проектов, Императорское Православное Палестинское Общество в 1890-е гг. неоднократно пыталось подсчитать бюджет Иерусалимского Патриархата и как-то ограничить поступление русских денег, но этого никогда не удавалось сделать.

В начале 1880-х гг. позиция МИД кардинальным образом меняется. Внешнеполитическое ведомство, наконец, по праву оценило выдающееся значение приобретений о. Антонина. Сформировалось понимание

того, что приобретённая земля стала важнейшим внешнеполитическим фактором влияния в постоянной конкуренции между великими державами и различными Церквями и миссионерами, которые пользовались их покровительством, а контроль над земельными ресурсами — средством укрепления престижа в Палестине. Искренним восхищением продиктованы слова консула В.А. Максимова в 1883 г.: «Приобретения о. Антонина не только полезны для наших поклонников в Святой Земле, но и послужат русскому делу по отношению усиления нашего нравственного и образовательного влияния» [5, с. 613].

Таким образом, формирование Русской Палестины происходило в сложных внешнеполитических условиях, во время кардинальных изменений османского законодательства, которое испытывало давление со стороны великих держав, расширяющих свои притязания и усиления в регионе, и острой конфессиональной конкуренции. Всё это стало причиной эволюции позиций

Ил. 5. Вакуф архимандрита Антонина. Церковь ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе

российских государственных институтов, т.е. изменения позиции МИД и Св. Синода по отношению к недвижимости о. Антонина в Святой Земле.

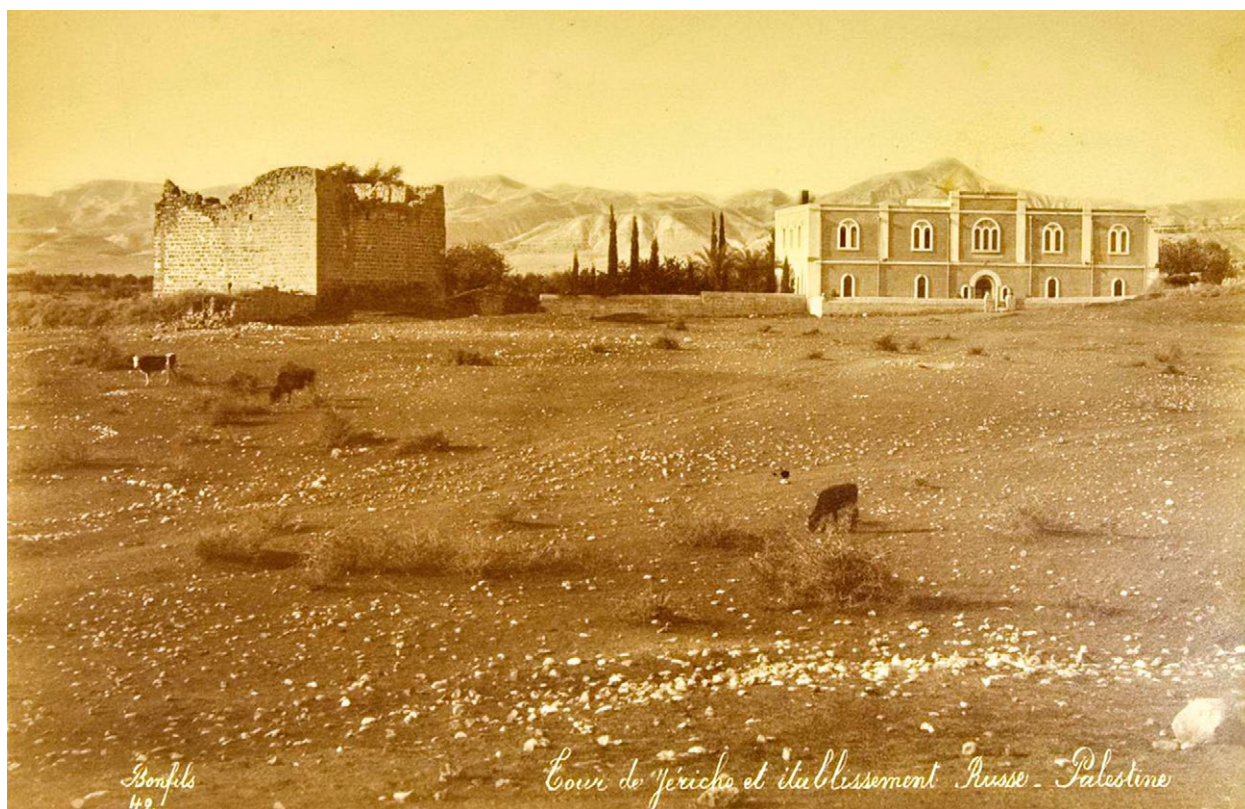
Закрепление за Св. Синодом недвижимого имущества архимандрита Антонина

В начале 1880-х гг. на смену активно-го неприятия деятельности о. Антонина по приращению Русской Палестины у чиновников МИД и Св. Синода возникло определённое волнение по другому поводу — закрепления за Россией его недвижимого имущества. Годы шли, архимандрит Антонин старел, и в Петербурге начали беспокоиться о последующей судьбе принадлежавших ему участков. Об этом думали в МИД и Св. Синоде, над этим ломали голову консулы в Иерусалиме и послы в Константинополе. В Иерусалиме и Петербурге настаивали на скорейшем пере-оформлении архимандритом Антонином его недвижимости на имя российского

правительства или его непосредственного представителя на месте — консула в Иерусалиме. Другого развития событий никто в МИД даже не предполагал.

Но в рамках турецкого правового пространства, которое сложилось к 1880-м гг., сделать это было весьма непросто. К тому же архимандрит Антонин не торопился передавать свою землю светским инстанциям, справедливо опасаясь, что это в любое время может стать концом его собственного пребывания в Палестине и опять, как когда-то, в начале 1870-х гг. возникнет идея, удостоив его епископского сана, направить, например, в «эту глушь, в Америку».

А между тем российские инстанции, МИД и Св. Синод, начинают настоящую борьбу за собственность о. Антонина. На первые требования МИД передать всё своё недвижимое имущество консулу в Иерусалиме, а это были именно безапелляционные требования, начальник Миссии довольно резко отвечает отказом. Для архимандрита Антонина была ещё болезненно

Ил. 6. Вакуф архимандрита Антонина. Иерихон

памятна ситуация, связанная с закрытием Миссии в 1879–1880 гг., инициированная МИД. Даже через несколько лет после событий любую инициативу, исходящую от дипломатов, о. Антонин воспринимал в штыки. Но здраво обдумав складывавшуюся ситуацию, он обращает её в свою пользу и начинает с МИД торги, ничего определённо не обещая и увязывая принятие решения о передаче недвижимости когда-нибудь *потом*, с оказанием ему помощи и поддержки *сейчас*. Для торга им была использована необходимость оплаты налогов на земли и постройки, находящиеся в его собственности. В начале 1880-х гг. Османское правительство озаботилось сбором налогов с владельцев земли. И архимандрит Антонин ставит перед МИД и Св. Синодом задачу «об освобождении его имущества от всяких сборов в пользу турецкой казны»¹.

В соответствии с османским законодательством религиозные и благотворитель-

ные заведения освобождались от уплаты налогов. Но недвижимое имущество о. Антонина в Палестине было настолько разнообразно, что константинопольскому посольству было «весьма затруднительно хлопотать об освобождении его имущества от всяких сборов в пользу турецкой казны» (Там же). Более того, чиновники не имели точных сведений об объёмах всего земельного имущества о. Антонина, а он не спешил предоставлять им полные и достоверные данные.

Но как планировал архимандрит Антонин поступить со своей собственностью? Он не делал тайны из замыслов и неоднократно заявлял, что «по отношению собственно земли и построек сообразно с условиями и целью устройства каждого из них, имеет в виду передать их Палестинскому Обществу, Св. Синоду и Палестинской комиссии» (Там же. Д. 2579. Л. 45об.), т.е. МИД. Таким образом, главным в распределении собственности для него было

¹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 2679. Л. 3об.

Ил. 7. Вакуф архимандрита Антонина.
Елеонский монастырь

назначение земли и построек, на ней находящихся. Например, предполагалось, что Палестинской комиссии Азиатского департамента МИД будет передан только «приют и сад в Иерихоне, превосходно устроенный, и посещаемый ежегодно тысячами наших паломников, следующих на Иордан» (Там же). Православному Палестинскому Обществу передавалась земля в Бет-Джале, арабском селе близ Вифлеема, на которой уже и так располагалась школа Общества. Всё остальное переходило в Св. Синод.

МИД начал активно протестовать против такого деления собственности. В одном из донесений посол в Константинополе А.И. Нелидов писал главе Азиатского депар-

тамента МИД И.А. Зиновьеву, что, «отдавая полную справедливость соображениям арх. Антонина, побудившим не откладывать перевод его земельного имущества на имя более правоспособных владельцев» (Там же. Д. 2679. Л. 5об.), возражает против распределения имущества между тремя учреждениями. Нелидов мотивировал своё мнение тем, что «первое из них учреждение частное, а Св. Синод и Палестинская комиссия суть только ведомства одного правительства» (Там же. Л. 6). Посол считал, что «закрепление за всеми упомянутыми учреждениями недвижимой собственности в Турции не упростит порядка заведывания ею и всегда даст турецким властям предлог относиться к ней или как к частному, или же как к церковному имуществу; в обоих случаях может быть поднят вопрос о взыскании налогов, или о причислении тако-

го имущества к вакуфам (Там же. Л. 51об.). В целом, конечно, такое разделение создавало бы для сотрудников МИД дополнительные сложности и дополнительную работу, но обращает на себя внимание впервые упомянутое понятие *вакуфа* как одного из решений проблемы оформления собственности, к которому, однако, ни в коей мере нельзя прибегнуть¹.

МИД страшил «упорный отказ арх. Антонина перевести принадлежащие в Палестине имущества на имя консульства» и то, что он передаст, как и планировал, часть собственности Палестинскому Обществу, «коего он деятельный член»², и Св. Синоду, «в непосредственном подчинении которого

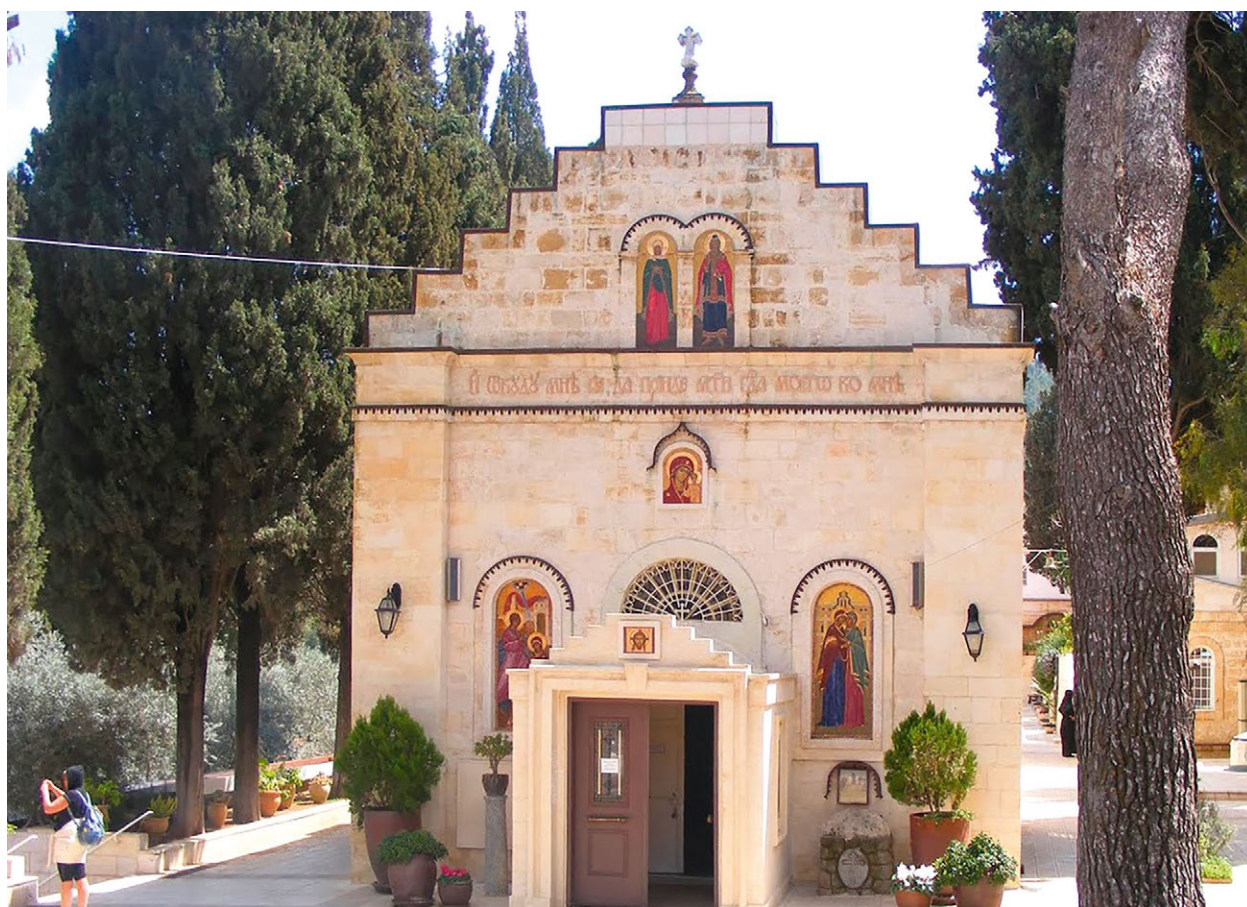
¹ Вакуф, вакуф — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и нерасходуемое (например, в вакуф не могут быть переданы деньги). В XIX в. треть всех земель Османской империи входила в вакуфы. Несмотря на последовавшие секуляризации, вакуф сохранился до настоящего времени в некоторых странах, например в Саудовской Аравии и Израиле. Сегодня в мусульманском мире происходит постепенное восстановление института вакуфа, что во многом приносит неудобства и приводит к юридическим спорам.

² АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 2679. Л. 52.

он находится» (Там же). МИД делал вид, что не понимает опасений архимандрита Антонина «быть устранённым от исключительного заведывания по своему усмотрению учреждениями, им созданными» (Там же). Чиновники МИД в своей переписке подчёркивали, что такие «опасения совершенно неосновательные» (Там же. Л. 52об.), и заявляли «о настоятельной необходимости скорейшего понуждения архимандрита Антонина о немедленном закреплении за нашим правительством всех приобретённых и приобретаемых им земель в Палестине» (Там же). Но о. Антонин не забывал истории десятилетий нестроений во взаимоотношениях с МИД и не спешил.

В 1885 г. к решению вопросов о судьбе наследия о. Антонина подключился Иерусалимский Патриарх Никодим, обратившийся к Св. Синоду с посланием,

полностью посвящённым собственности архимандрита. В документе Патриарх постарался, ссылаясь на священные каноны, обосновать свои претензии на церкви, построенные о. Антонином на Елеоне (ил. 7) и в Горнем (ил. 8), тем, что «за все сооружаемые в своей Патриаршей области храмы Его Блаженство несёт ответственность пред вверенной ему Богом Церковью и Турецким правительством»¹. Патриарх также поставил перед Св. Синодом вопросы касательно будущего этих церквей, ведь если они будут «рассматриваемы как принадлежащие Всероссийскому Св. Синоду, то они могут получить законный и канонический вид, как его подворья, если же они будут рассматриваемы как принадлежащие Российскому Правительству, подобно находящейся в российском консульстве в Иерусалиме церкви Святой

Ил. 8. Вакуф архимандрита Антонина. Горненский монастырь

¹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 6716. Л. 25об.

Троицы, то они могут получить канонический вид, как приписные к этой церкви» (Там же. Л. 26–26об.).

Вопросы, поставленные Патриархом, были неспроста: в 1880-х гг. Россия, её подданные и её общественные организации, построили в Палестине для паствы Иерусалимского Патриархата четыре церкви. Две из них построило Православное Палестинское Общество — одну в Кане Галилейской, другую — в селе Муджедиль (совр. Мигдаль-ха-Эмек) недалеко от Назарета. Две других относились к беспрецедентной помощи Православному Востоку со стороны Марии Михайловны Киселёвой, финансировавшей строительство церквей на горе Свещения близ Назарета и в Иерихоне. Так что вопросы Патриарха Иерусалимского были вполне понятны, хотя и относились к русскому имуществу и внутрироссийскому решению статусного состояния церквей.

Послание показало Св. Синоду не только всю важность недвижимости о. Антонина, но и вероятную возможность её скорой потери, если не будет предпринято усилий по её защите. Именно поэтому члены Св. Синода (Исидор, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, Паладий, архиепископ Казанский и Свияжский, Серафим, епископ Самарский и Ставропольский) и обер-прокурор К.П. Победоносцев 27 марта 1886 г. приняли определение Св. Синода, в котором «все русские церкви, построенные в Патриаршей Иерусалимской области начальником РДМ в Иерусалиме архм. Антонином с находящейся при них землёй и возведёнными на ней постройками» (Там же. Л. 30) были признаны подворьями Всероссийского Св. Синода, и непосредственное заведывание ими было возложено на начальника РДМ, «вменив ему в обязанности ежегодно представлять Св. Синоду отчёт о состоянии означенных подворий, а также по мере надобности входить в Св. Синод с представлениями о нуждах подворий» (Там же). Антонину особо предписывалось озаботиться укреплением за «Св. Синодом всех приобретённых им в Палестине земельных участках с воз-

ведёнными на них строениями» (Там же. Л. 30об. – 31). Этим определением Св. Синод отнёс все возможные претензии Иерусалимского Патриарха Никодима и вступил в открытую конфронтацию с МИД за судьбу недвижимости о. Антонина.

Надо сказать, что это определение Св. Синода весьма оскорбило и огорчило архимандрита Антонина. Несмотря на все заверения из Петербурга, он всё же опасался, что будет «лишён права пожизненного управления созданными им в Палестине учреждениями» (Там же. Л. 59об.). Кроме того, начальник Миссии не терпел прямого проявления насилия и принуждения, но как человек Церкви не мог не подчиняться решению и должен был его принять и смириться. И связано это было с принятым им когда-то решением, почти заветом, описанным им в письме к В.Н. Хитрово: «Я оставил всякую высоту и широту жизненной карьеры и прилепился всем существом своим к одной цели — *утвердить и закрепить имя русское в Святой Земле Обетованной* так, чтобы мы не были в ней только гостями, а в известной доле хозяевами, на утешение своим и на страх чужим по вере и духу» [7, с. 145]. Так что им двигало чувство долга и ответственности. Тем не менее он старался отсрочить под разными предлогами тяжёлую для него обязанность окончательного перевода своего имущества на Св. Синод.

Ещё три года МИД и Св. Синод боролись за недвижимость архимандрита Антонина (ил. 9), пока в 1889 г. наиболее крупные шесть из своих приобретений он не обратил в вакуф. Дипломатическое сообщество было очень недовольно, оно не принимало в расчёт османское законодательство, по которому перевод от частного лица (о. Антонин) к юридическому (МИД или Св. Синод) был невозможен, и это знали сотрудники МИД. Именно поэтому вакуф был единственно возможным вариантом решения вопроса. Справедливости ради стоит упомянуть, что ещё одно решение всё же было — обращение на высочайшее имя и межгосударственный договор либо

обращение императора лично к султану, но этот путь был значительно сложнее.

В соответствии с завещанием архимандрита Антонина вся его недвижимая собственность, как обращённая в вакуф, так и в него не вошедшая, но должным образом оформленная, а также находящаяся на разных стадиях документального оформления, переходила Св. Синоду.

Заключение

Усиление великих держав на Ближнем Востоке ярко проявилось в возникновении и законодательном оформлении иностранной земельной собственности в Османской империи и стало своеобразной лакмусовой бумажкой готовности Турции под давлением согласиться на вмешательство европейских государств в свои внутренние дела. Накануне подписания Парижского мирного договора 1856 г., зафиксировавшего поражение России в Крымской войне, турецкое правительство продолжило проведение реформ, в том числе касающихся землевладения, надеясь завоевать симпатии своих новых европейских союзников.

В острой конфессиональной конкуренции в середине XIX в. возникла Русская Палестина, в современном понимании — вся полнота присутствия России в Святой Земле, а также религиозный феномен, включающий храмы, монастыри, земельные участки и подворья. С момента своего основания она всегда находилась под сильным влиянием внешнеполитических условий и зависела от изменения позиций российских государственных институтов. Самим своим существованием Русская Палестина повлияла на деятелей МИД и Св. Синода, которые в итоге по достоинству оценили приобретения о. Антонина и убедились, что недвижимость является важнейшим религиозным, внешнеполитическим и гуманитарным фактором политики России на Ближнем Востоке и русского присутствия в регионе.

С сожалением приходится констатировать, что в подходах российских властных структур к возникновению, существованию,

Ил. 9. Бюст архимандрита Антонина в Горненском монастыре

расширению и развитию российской собственности в Святой Земле не было стратегически продуманной системы и планомерной работы. Связано это было скорее с тем, что «международная политика русского правительства на всём протяжении девятнадцатого столетия страдала бессистемностью и беспринципностью» [10], а организации, призванные делать одно дело, постоянно конфликтовали. Вертикаль государственной власти не позволяла российским представителям действовать иначе, поэтому они всегда шли следом за событиями и складывающимися обстоятельствами, не пытаясь изменить ситуацию. В этой связи труды начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина представляют собой уникальное явление. Как показали события XX в., вопреки мнению российских чиновников им

был выбран верный способ оформления недвижимого имущества, благодаря которому храмы, монастыри, паломнические подворья и земельные участки во многом сохранились и сегодня принадлежат России и Русской Церкви. Таким образом, вопрос

о недвижимой собственности может и должен рассматриваться в широком контексте истории русского присутствия на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. и на общем фоне российского стратегического «стремления к югу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Крассов О.И. Земельное право в странах Ближнего Востока. М., 2020.
2. Brugg J. Ottoman Notables and Participatory Politics: Tanzimat Reform in Tokat, 1839–1976. Routledge, 2014.
3. Kark R. Millenarism and agricultural settlement in the Holy Land in the nineteenth century // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. Pp. 47–62.
4. Kark R., Thalman N. Technological innovation in Palestine: the role of the German Templers // Germany and the Middle East-Past, Present and Future. Goren H. (Ed.). Jerusalem: Magnes Press 2003. Pp. 201–224.
5. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост., комм, вступ. ст. Н.Н. Лисового. М., 2017. Т. 2.
6. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906.
7. Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009.
8. Katz I., Kark R. The Church and Landed Property: The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem // Middle Eastern Studies. Vol. 43. № 3 (May. 2007). 2007. Pp. 383–408.
9. Katz I., Kark R. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem and its Congregation: Dissent over Real Estate // International Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 37. № 4 (Nov. 2005). Pp. 509–534.
10. Евреинов Г.А. Идеология ближневосточного вопроса. СПб., 1911.

Russian Palestine. Real Estate of Archimandrite Antonin (Kapustin)

Ritta Borisovna Butova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: rittabutova@mail.ru

Following a series of reforms in the mid-nineteenth century, land legislation emerged in the Ottoman Empire that allowed for the de jure formalization of foreign real estate that had previously been formed de facto. Russian Palestine, which emerged in fierce confessional competition in the mid-19th century and included the Palestinian acquisitions of Archimandrite Antonin (Kapustin, 1817–1894), head of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission (ROEM) in Jerusalem, depended on foreign policy conditions and the positions of Russian state institutions. The lack of strategy and systematic work in the use of the property factor in foreign policy, as well as the sentiments in the Russian power structures in the Middle East led to omissions. The article shows how Archimandrite Antonin's right decisions, made in spite of the opinion of Foreign Ministry officials, influenced the way of real estate registration, thanks to which churches, monasteries, pilgrimage metochions and land plots were largely preserved and today belong to Russia and the Russian Church.

Keywords: Middle East, Jerusalem, Archimandrite Antonin (Kapustin), land property, real estate, Foreign Ministry, Holy Synod, Jerusalem Patriarchate, tanzimat, legislation

REFERENCES

1. Krassov O.I. Zemel'noe pravo v stranakh Blizhnego Vostoka. M., 2020 (in Russian).
2. Brugg J. Ottoman Notables and Participatory Politics: Tanzimat Reform in Tokat, 1839–1976. Routledge, 2014.
3. Kark R. Millenarism and agricultural settlement in the Holy Land in the nineteenth century // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. Pp. 47–62.
4. Kark R., Thalman N. Technological innovation in Palestine: the role of the German Templers // Germany and the Middle East-Past, Present and Future. Goren H. (Ed.). Jerusalem: Magnes Press 2003. Pp. 201–224.
5. Rossiya v Svyatoi Zemle. Dokumenty i materialy. Sost., komm, vstup. st. N.N. Lisovogo. M., 2017. T. 2 (in Russian).
6. Girs A.A. Rossiya i Blizhnii Vostok. Materialy po istorii nashikh snoshenii s Turtsiei. SPb., 1906 (in Russian).
7. Dmitrievskii A.A. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime. M.; SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2009 (in Russian).
8. Katz I., Kark R. The Church and Landed Property: The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem // Middle Eastern Studies. Vol. 43. № 3 (May. 2007). 2007. Pp. 383–408.
9. Katz I., Kark R. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem and its Congregation: Dissent over Real Estate // International Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 37. № 4 (Nov. 2005). Pp. 509–534.
10. Evreinov G.A. Ideologiya blizhnevostochnogo voprosa. SPb., 1911 (in Russian).